

Владимир КИСЕПЁВ

ДВА
НАЗВАНИЯ
ЕВРОПЕЙСКИЙ
СОННИК
РАССКАЗЫ

Владимир Леонтьевич Киселёв Говорит Сережа Карасев

OCR Busya

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=155194

Владимир Киселёв «Два названия. Европейский сонник. Рассказы»:

Радянський письменник; Киев; 1988

Аннотация

Рассказы Владимира Кисилева привлекают сочетанием фантастики и узнаваемости жизненных реалий.

Владимир Киселев

Говорит Сережа Карасев

Если ты поедешь в Прагу, то сразу почувствуешь, что украинский язык нужно учить. По-настоящему. А не так, как я, на тройки.

Я разговаривал с чехами. Если они говорили медленно, то я почти все понимал. И когда я говорил по-украински – они меня понимали. И словаки тоже понимали украинский язык. В нашей гостинице жили польские офицеры – объясняться с ними мне было очень просто. И даже немцы, причем не из демократической Германии, а из ФРГ, туристы, я не скажу, что все, но один хорошо разговаривал по-украински. В общем, это международный язык. Моя бабушка, Галина Ивановна, все время шпыняла меня: «Вот видишь!» Бабушка преподает украинский язык в нашей школе, только в старших классах. И это очень хорошо. Потому что, если бы она преподавала в младших, я перешел бы в пятый класс с двойкой по украинскому. И вместо того, чтобы гулять по Праге, я бы готовился к переэкзаменовке.

В Прагу я попал с дедушкой и бабушкой. На этот раз мне повезло, что у меня так много родственников. Ни у кого в классе, а может, и во всей школе, нет такого количества род-

ственников, как у меня. У меня две прабабушки, две бабушки, два дедушки, папа и мама. Все они говорят, что дни, когда им приходится меня воспитывать, самые кошмарные в их жизни. Они говорят, что у меня хороший характер, но я прежде делаю, а потом думаю. Поэтому им очень трудно.

А тут как раз моего дедушку Василия Яковлевича Карасева пригласили вместе с бабушкой в Чехословакию, так как дедушка прославился в боях за освобождение Чехословакии от фашистских оккупантов, а папа уехал на Алтай в геологическую экспедицию, а мама уехала в Ленинград на медицинскую конференцию, а одна прабабушка простудилась, а другая прабабушка собиралась варить варенье, и им ничего не оставалось другого, как взять меня с собой.

Бабушка долго мне объясняла, что это за граница, что я должен вести себя совсем по-другому, вежливо выражаться, не свистеть, не курить. Если послушать бабушку, так можно подумать, что я курю каждый день.

Бабушка не позволяет, чтобы я называл ее бабушкой, а требует, чтобы я ей говорил «тетя Галя» или «Галина Ивановна». А «бабушками» – чтобы я называл прабабушек. Ну, а дедушке моему все равно, как я его называю. Он только не позволяет трогать свои ордена. У дедушки много орденов, потому что во время войны он был очень храбрым человеком и командиром разведчиков. А после войны дедушка работал стеклодувом. Он в химическом институте готовил из стекла разные приборы, которые нужны для химических

опытов. Но теперь дедушка уже стеклодувом не работает, потому что он пошел на пенсию. Вместо работы он сочиняет стихи. Стихи его мне очень нравятся, даже больше, чем стихи Маршака, только дедушка все равно недоволен. Его стихотворения мало печатают в журналах и газетах. Я думаю, что это потому, что он в основном сочиняет про меня.

Ну, конечно, и мне не все дедушкины стихи одинаково нравятся. Иногда у него бывают творческие неудачи. Вот, например, он недавно сочинил такие стихи:

У Сережи Карасева
В голове четыре слова.
Он твердит всегда одно:
«Мама, я хочу в кино».
А у деда Карасева
Три других любимых слова.
Произносит он их так:
«Ты, Сереженька... умница».

Во-первых, «умница» дедушка придумал нарочно, а в самом деле под рифму подходит слово «чудак» или что-нибудь еще похуже. А во-вторых, «мама, я хочу в кино» совсем не четыре, а пять слов, «в» – предлог и тоже считается словом. Больше всего я боюсь, чтоб эти стихи не узнали в классе. Мне прохода не будет. Они как-то очень легко запоминаются.

Как только мы выехали из Киева, мне захотелось пить. И

пить мне хотелось до самой Праги. Ничего не помогало. Я пил обыкновенную воду, которая в кранике возле тамбура, и минеральную воду «Киевскую», «Миргородскую» и «Поляну квасову», и чай, и кофе, и кефир, и ряженку – и все равно не мог напиться. Дедушка говорил, что это потому, что я ел сухую колбасу, а бабушка – что я возбужден из-за перемены обстановки.

Обстановка действительно очень переменялась – впервые в жизни я ехал в международном вагоне. В этом вагоне купе на двоих, одна полка сверху, а другая снизу, а напротив есть еще кресло, в котором можно сидеть, и еще на каждые два купе есть умывальник с душем. Мне очень хотелось попробовать, как действует этот душ, но бабушка не позволила. Она сказала, что этим душем в дороге никто не пользуется. Тогда вообще непонятно, для чего он сделан.

После того, как мы побывали в Чехословакии, и дедушка, и бабушка, и я знаем, что нужно привозить с собой в подарок за границу. Но раньше мы этого не знали. Дедушка и бабушка купили всяких глиняных горшков с цветными узорами. Чемоданы наши были такими тяжелыми, что даже дедушка, а он очень сильный человек, еле их поднимал.

А я с собой взял только коробку из-под обуви, перевязанную шпагатом и запечатанную пятью печатями. Эту коробку мне дал Толя Шевченко – он живет со мной в одном доме и учится в одном классе. Толя попросил передать ее Аннуше Прадовой.

– А что в ней? – спросил я, рассматривая печати. Они были поставлены юбилейным рублем.

– Сюрприз, – ответил Толя.

– А что в этом сюрпризе?

– Сюрприз – это подарок, – сказал Толя. – Но такой, что никто не знает, что в этом подарке,

Еще в начале учебного года в нашу школу пришло письмо из Чехословакии от Аннуши Прадовой.

Она писала, что учится в четвертом классе, изучает русский язык и хотела бы переписываться с лучшим учеником из четвертого класса. В нашем классе лучший ученик Толя Шевченко, поэтому он стал писать письма Аннуше сначала раз в месяц, а потом раз в неделю и чаще, и теперь у него всегда есть марки для обмена на монеты, царские бумажные деньги или еще что-нибудь такое же ценное.

Перед отъездом бабушка подозрительно посмотрела на коробку, потрогала пальцем печати и спросила:

– Что это ты везешь?

– Сюрприз.

– Какой сюрприз?

– Не знаю. Это такой подарок, что никто не знает, что там.

– За границу нельзя возить сюрпризов, – сказала бабушка

– Почему?

– Будет таможенный осмотр. И таможенники могут проверить что в коробке.

– А зачем они проверяют?

– Мало ли что... А вдруг в этой коробке оружие. Или листовки какие-нибудь.

Я не первый год знаю Толю Шевченко. Он ни за что не стал бы класть в коробку оружие. Прежде всего потому, что у него никакого оружия нет. Ну, может, рогатка. Но у него на рогатке ниппельная резина, он из нее не дает никому даже пострелять, так что он ни та что не подарил бы ее Аннуше, с которой он даже ни разу не виделся А листовки... Какие могут быть листовки у Толи Шевченко?

Поэтому я сказал, что в коробке ничего такого нет и быть не может. Дедушка тоже сказал, что ничего страшного, пусть я везу, что хочу. И с таможенниками пусть я тоже сам разговариваю.

Чоп – это станция, на которой заканчивается Советский Союз. Тут по нашему вагону прошел железнодорожник. Он сдвинул коврики в некоторых купе и повынимал огромные болты. Этими болтами вагон прикрепляется к осям с колесами. Потом громадные домкраты подняли весь наш поезд на большую высоту – может, на метр или даже больше. Затем из-под нас выкатили все колеса и вкатили другие, для более узкой колеи. В Чехословакии на железных дорогах рельсы уже, чем у нас.

Все это смотреть было очень интересно, но я все время волновался из-за таможенников. Особенно когда по вагону прошли самые настоящие пограничники в зеленых фуражках. Но они не осматривали, кто что везет, а только прове-

рили у всех паспорта. В каждом паспорте они смотрели на фотографию, а потом на лицо человека. А я всегда удивлялся, для чего на паспортах фотографии. Теперь я понимаю, для чего.

А потом поезд тронулся, но таможенники к нам даже не заходили. Я спросил у дедушки, почему таможенники не осматривают наших вещей. Дедушка ответил, что они не всегда и не все осматривают. Тогда я вышел в коридор и спросил у Анны Федоровны, нашей проводницы, были ли в нашем вагоне таможенники.

– Были, – сказала она. – Как же ты их не заметил? Они и в ваше купе заглядывали. Помнишь, еще спросили, ваши ли это вещи.

К нам, действительно, заглянул какой-то человек, но ни я, ни дедушка, ни бабушка даже не догадались, что это и был таможенник.

– Ничего, – сказала бабушка, – нас еще будут проверять чехословацкие таможенники.

Раньше коробка лежала со всеми вещами на полке, а теперь я ее переставил на столик, чтоб она была на виду. Мне все-таки было очень интересно узнать, что в ней, и если бы таможенники ее открыли, так и я мог бы посмотреть. И я так волновался, что уснул. А когда я проснулся, то мы уже ехали по Чехословакии. И бабушка с сожалением сказала, что чешские таможенники вообще не приходили. Ей, наверное, тоже очень хотелось узнать, что это за сюрприз.

Теперь стало очень модно провожать и встречать. По телевизору и в киножурналах каждый день показывают, как кого-нибудь провожают или встречают. Провожали нас обыкновенно, а встречали совсем как по телевизору – на перроне стояло много людей, некоторые были с цветами, все по очереди стали целоваться с дедушкой и бабушкой, здоровенный дяденька, чешский писатель Иосиф Конечны, – я его знаю, он был у нас в Киеве и потом написал о дедушке в своем журнале, – изо всей силы хлопал дедушку по спине, а дедушка в ответ хлопал его, они все целовались и хлопали друг друга, а мне по-прежнему хотелось пить.

Когда мы только подъезжали, я заметил на перроне такой киоск, в котором продают конфеты, мороженое, колбасу и сигареты. Пока они целовались, я пошел к киоску и сказал продавщице, чтоб она мне налила стакан пива. В Киеве дедушка часто говорил, что в Праге замечательное пиво. Продавщица очень удивилась и сказала, что детям пива нельзя. Я ее хорошо понял. Тогда я попросил воды. Она меня тоже хорошо поняла, открыла бутылку и налила мне стакан лимонада. Лимонад у них совсем такой, как у нас ситро, только в нем меньше сахара, и поэтому он кажется кислым. Я выпил стакан лимонада и попросил еще один. Продавщица удивилась, куда в меня помещается столько жидкости, потому что я по росту предпоследний в классе и очень худой, но все-таки налила мне еще один стакан. Я снова залпом выпил лимонад и заметил, что в бутылке еще немножко осталось. Я по-

просил еще. Продавщица налила в стакан остатки, получилось еще почти полстакана лимонада, который я тоже выпил.

После этого я вынул из кармана юбилейные пятьдесят копеек и дал их продавщице, но она сказала, что такие деньги не годятся. А других у меня не было. Я совсем забыл, что в Чехословакии нужны чехословацкие деньги. И тут я быстро сообразил, что, пока продавщица откроет заднюю дверь своего киоска и выйдет наружу, я уже успею убежать, потому что на вокзале очень много людей и она меня между ногами ни за что не поймает.

Я так и сделал и сразу же пожалел об этом: у них там все радиофицировано. Не успел я отбежать за несколько шагов, как какой-то дяденька в форме стал кричать на меня. «Позор! Позор!»

Я бросился от него наутек, но тут другой точно так стал кричать: «Позор! Позор!» Потом третий, в общем, кричал весь вокзал. Я очень испугался, побежал к дедушке, который уже кончил целоваться и сейчас разыскивал меня, и сказал ему:

– Пойдем скорей. Уже, кажется, начался международный скандал.

Мы быстро пошли к киоску. Продавщица ничуть не удивилась, что я сначала убежал, а потом вернулся, дедушка заплатил деньги за лимонад, но когда мы отошли от киоска, я услышал, что какой-то человек снова кричит: «Позор! Позор!».

– Мы же заплатили, – сказал я дедушке. – Зачем же он снова орет?

Дедушка странно посмотрел на меня и хмыкнул.

– «Позор», – сказал он, – это по-чешски значит «внимание», «осторожно». Это носильщики просят, чтоб им дали дорогу.

Странный этот чешский язык. В нем есть слова, которые звучат, как наши, а обозначают совсем другое.

С вокзала мы поехали в гостиницу, которая называется «Метеор» и находится на улице Гибернской, недалеко от Пороховых ворот. Бабушка повторила мне адрес десять раз, чтобы я хорошо запомнил. Она уверена, что я обязательно заблужусь, и тогда адрес гостиницы может мне пригодиться.

Позавтракали мы в ресторане при гостинице. Ресторан мне этот очень понравился – он был похож на старый подвал, а на стенах висели рога разных сельскохозяйственных животных. И во время завтрака со мной произошло странное происшествие: мне совсем перехотелось пить. А дедушка как раз предложил мне попробовать знаменитое чешское пиво. И хотя, как я заметил, бабушка дернула его за рукав, дедушка все равно налил мне в стакан немного пива и немного пены.

Если бы я не решил, что буду теперь очень вежливым, на вопрос деда, как мне понравилось пиво, я бы ответил, что совсем не понравилось. Оно было горьким и щипало за язык. Но я выпил все, что было у меня в стакане, и сказал, что пиво

очень вкусное. Я никогда, правда, не пил нашего киевского пива, но если оно еще хуже этого, то мне совсем непонятно, как его люди пьют.

Сразу же после завтрака мы пошли в Музей Ленина, который находился почти напротив гостиницы «Метеор», по другую сторону улицы. Бабушке и дедушке очень хотелось посмотреть этот музей. В этом доме в самом деле побывал Ленин, когда здесь была Пражская конференция.

Экскурсовод, очень старая женщина в очках, рассказала нам, что в этом здании 18 января 1912 года двенадцать дней проходила Пражская конференция, которой руководил Владимир Ильич Ленин. Затем она нас повела в комнату, где была эта конференция.

Если бы я не увидел этого своими глазами, я бы никогда не поверил, что помещение, в котором проходила такая знаменитая конференция, в действительности самая обыкновенная комната, меньше нашего класса, и даже без трибуны. Там стояло только несколько столов, старые стулья, а в углу – рогатая вешалка для одежды.

Пока дедушка и бабушка рассматривали комнату и слушали экскурсовода, я потихоньку вышел и быстро отправился вниз, на первый этаж, где я с самого начала заметил замечательный пулемет. Самый настоящий! У него на дуле была такая воронка, для пулеметчика было сделано специальное гнездо, похожее на велосипедное.

Я сел на это седло и, ничего не трогая руками, стал рас-

смаатривать, как стреляют из этого пулемета, потому что я не знал, как в музеях держат оружие – заряженным или без патронов, и было бы очень некрасиво, если бы я вдруг стал стрелять в музей. И тут я увидел, что в зал, где стоял пулемет, вошел чехословацкий военный. Я на всякий случай слез с седла и спросил:

– Дяденька, из этого пулемета стрелял Ленин?

– Нет, – ответил военный. – Ленин, по-моему, вообще никогда не стрелял из пулемета. Но вот, если хочешь, я могу тебе показать броневик, с башни которого Ленин выступал, как с трибуны.

– Этот броневик я знаю, – ответил я. – У нас в школе в Ленинской комнате есть модель этого броневика.

– Ну раз ты такой образованный, – сказал военный, – то давай поищем твоего дедушку.

Этот военный приехал, оказывается, чтобы повезти нас на кладбище. Внизу уже стоял автобус, и в нем сидели все, кто нас встречал, и еще один чешский генерал.

Для того, чтобы попасть к могилам советских солдат, которые погибли в боях за освобождение Чехословакии, нужно было сначала пройти через обыкновенное кладбище. Ну это только так говорится «обыкновенное», а на самом деле там очень интересные памятники, голуби из мрамора, совсем похожие на настоящих, ангелы с крыльями, как у голубей, на каменных плитах такие фотографии, как у нас делают на фарфоровых тарелках, возле многих могил горят ма-

ленькие цветные фонарики.

А на военном кладбище, если бы ты даже не знал, что тут похоронены военные, можно сразу понять, что это могилы солдат и офицеров. Все плиты на одинаковом расстоянии друг от друга, так, как будто стоят в строю, на каждой золотом написаны фамилии и год, когда этот человек погиб.

А в центре – памятник. Чехословацкий генерал, дедушка, бабушка и все остальные положили возле памятника венок и букет цветов, и пока они там стояли, я пошел по дорожкам, посыпанным красным песком, между могилами, рассматривая фамилии.

И вдруг на одной из плит я прочел надпись «Карасев». Я очень расстроился, потому что дедушка мой был жив. Это получилась какая-то ошибка. Очевидно, погиб какой-то другой человек, а его приняли за дедушку и тут похоронили. Но это очень неудобно, что получилась такая путаница.

Я подошел к дедушке, тихонько потянул его за рукав и повел к могиле с нашей фамилией. Дедушка посмотрел на надпись и сказал, что никакой путаницы тут не произошло, что тут похоронен однофамилец, а может быть, даже кто-нибудь из наших родственников. Очень много наших родственников пали в боях за честь и независимость нашей Родины.

Затем дедушка смахнул рукой несколько сухих листиков, которые упали на плиту с фамилией Карасев, и вдруг я заметил, что у дедушки как-то странно дергается шея и из глаз у него текут слезы. Я ни разу в жизни не видел, чтобы дедушка

плакал.

Но я не умею плакать, как взрослые, без всякого звука. Я заревел во все горло. И когда я заревел, прибежала бабушка, и генерал, и все остальные, и тоже стали вокруг этой плиты и начали плакать. Тогда я замолчал и пошел рассматривать другие могилы, а они все еще стояли вокруг этой плиты и тихо плакали.